DOI: 10.17976/jpps/2014.03.09

РЕВОЛЮЦИЯ *VS* ДЕМОКРАТИЯ (РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В ЕГИПТЕ)[1]

Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев

Аннотация. В общественном сознании распространен стереотип, что революция в современных условиях обязательно должна вести к установлению демократии. Однако революция революции рознь. Некоторые могут отбросить общество с магистрального пути развития. Необходимо помнить, что революция – это очень болезненный и опасный способ реформирования общества, особенно общества переходного. В статье рассматриваются различные варианты соотношения между революционными событиями и возможностями установления в обществе демократии на широком фоне процессов глобализации, исторических примеров и последних событий в Египте.

Ключевые слова: демократия, революция, Ближний Восток, Египет, реакция, экстремисты, исламисты, тоталитаризм, военный переворот.

У нас есть своя собственная вера в демократию,
и мы готовы за демократию умереть.
Из заявления руководства
Братьев-мусульман 18 июля 2013 г.

События в ходе революций нередко принимают парадоксальный характер. Случаются, например, революции, которых революционеры не ждали. Нередко репрессии революции обращаются в первую очередь против тех, ради кого, собственно, революция затевалась. А те, именем которых свергалась старая власть, массами переходят в лагерь контрреволюционеров. Ярые монархисты или авторитаристы вдруг превращаются в демократов, а считавшие демократию высшей ценностью готовятся объявить диктатуру (о парадоксах революций см. также [Goldstone 2001: 160-162]). В Египетской революции дополнительно обнаружились еще и собственные парадоксы. Так неожиданно здесь стало политически крайне невыгодно одерживать победы, но зато выгодно "проигрывать сражения". Именно победа Братьев-мусульман/Ихванов в ноябре – декабре прошлого года (когда им удалось протащить не вполне соответствующую понятию основного закона "Конституционную декларацию", а также ими же написанную конституцию и вроде бы добиться полноты власти в стране) привела к консолидации антиихванистского "либерального" лагеря, а затем к стремительному росту его популярности и столь же стремительному падению популярности Братьев-мусульман (причины этого уже анализировались нами ранее[2]). Вплоть до конца июня – начала июля Братья-мусульмане быстро теряли

ГРИНИН Леонид Ефимович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. Для связи с автором: leonid.grinin@gmail.com**; КОРОТАЕВ Андрей Витальевич, Ph.D., доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой современного Востока РГГУ, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.** Для связи с автором: akorotayev@gmail.com

[1] Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

[2] Коротаев А.В. 2012. Новые записки с Тахрира. – *Полит.ру*, 29.12.2012. Доступ: http://polit.ru/article/2012/12/29/tahrir/ (проверено 14.02.2014).

свою популярность (см. напр. [Zogby et al. 2013]). Зато активизировались секуляристы вместе с военными. После переворота 3 июля Братья-мусульмане и их противники поменялись местами. Теперь уже "набирать очки" начали Ихваны.

Парадоксальным образом также случилось, что послепереворотная политическая риторика Братьев-мусульман звучала несравненно современнее, чем архаическая политическая риторика их оппонентов[3]. Секуляристы (да и поддержавшие их военные) совершенно архаичным образом отождествляли народ с толпой на Тахрире[4], Братья же апеллировали к формальным легитимным демократическим процедурам.

А чуть раньше телезрители всего мира стали свидетелями другого парадокса. Они видели, как ликовал Египет, как были счастливы революционеры, на чьих знаменах было написано: "За демократию!". А ликовали они потому, что путем военного переворота свергнут законно, всенародно и демократически избранный президент.

Все эти парадоксы дают богатую пищу для размышления.

Почему революционеры радовались свержению законно избранного президента? Это особенность Египта? Нет, это вполне закономерное развитие революционных событий. Вот почему один из главных вопросов статьи: революция и демократия. Всегда ли они неразрывны?

"Все революции кончаются реакциями. Это неотвратимо, это закон", – писал знаменитый российский философ Николай Бердяев [Бердяев 1990: 29], выстрадавший эту глубокую идею собственным политическим опытом. Разумеется, он был ограничен тем историческим опытом, который имелся на начало XX в. Прошлое и нынешнее столетие продемонстрировали, что устойчивость демократических завоеваний революции в огромной степени зависит от того, на какой фазе модернизационного перехода находится общество, от его культурных традиций, внешнего окружения и ряда других обстоятельств. Поэтому в странах, социокультурный и экономический уровень которых высок и которые уже прошли длительный период очарований и разочарований в демократии, а также циклы демократий и авторитаризма, в конце концов достаточно систематически происходят революции (либо революционной глубины реформы), после которых устанавливается вполне стабильный демократический режим. В качестве примера можно вспомнить "Революцию гвоздик" 1974 г. в Португалии или "бархатную революцию" 1989 г. в Чехословакии. При этом такого рода успешные революции – "славные", "бархатные", как правило, не кровавые – проходят довольно быстро[5]. История подобных политических переворотов начинается со Славной революции 1688 г. в Англии, но особенно ими богаты последние десятилетия человеческой

[3] В свете сказанного ниже в этой статье все это вполне объяснимо.

[4] Речь шла также о неких загадочных 22 млн подписей под требованием об отставке Мурси (см. Tamarod petition has 22 million signatures. 2013. – *Egypt Independent*, 29.06. URL: http://www.egyptindependent.com/news/tamarod-petition-has-22-million-signatures), однако независимого подсчета этих подписей не производилось, и легитимность их, конечно, невелика.

[5] В известной мере даже революция 1870-1871 гг. во Франции подходит под этот стандарт, если не считать эпизода с Парижской Коммуной. В то же время опыт некоторых успешных стран, в частности Южной Кореи и Индонезии (насколько ее можно считать успешной на сегодняшний день) говорит, что на известном этапе модернизации авторитаризм может способствовать ее продвижению. Но именно в этом случае она объективно готовит почву для своего собственного ограничения и последующей политической демократизации (см. подробнее [Прозоровский 2009]). Отметим, что этап авторитаризма нередко оказывается исключительно важным и необходимым. Недаром некоторые современные исследователи революции особое внимание уделяют стабильности режима [Goldstone 2001].

истории. Если же общество недостаточно модернизировалось (в том числе и в демографическом плане[6]), в нем много неграмотных, велик процент негородского населения, сильно влияние традиционалистов и т.д., то "закон Бердяева" о смене революции реакцией имеет высокие шансы реализоваться. Через какое-то время идея демократии может вновь привести к революционному взрыву. При этом в истории бывали случаи, когда демократия и авторитаризм сменяли друг друга неоднократно. Кроме того, в подобных обществах перед революцией стоят очень масштабные задачи, соответственно, глубина ее может быть большой, отсюда и сила сопротивления высока. Недаром Бердяев, продолжая свою мысль, писал: "И чем неистовее и яростнее бывали революции, тем сильнее были реакции. В чередованиях революций и реакций есть какой-то магический круг" [там же]. Характерным был пример Китая, который после первой в его истории демократической Синхайской революции 1911 г. попал под диктатуру Юань Шикая; неоднократно демократические институты пытались восстановить, но в итоге Китай погрузился в пучину анархии и гражданской войны на долгие десятилетия.

Путь к устойчивой, стабильной демократии долог и сложен[7]. В любом случае для этого нужны соответствующие экономический, социальный и культурно-гуманитарный уровень общества. Повторим, что в странах, где много неграмотных, где большой процент сельского населения, где низок уровень жизни, либеральная демократия, как правило (из которого, впрочем, известны некоторые важные исключения), не приживается надолго. Модернизация стран (по крайней мере, сколько-нибудь крупных) всегда идет неравномерно. В результате в таких странах формируется достаточно модернизированный "центр" и слабо модернизированная, склонная к консерватизму периферия/глубинка, где и обитает большинство населения/"народ". В рамках такого контекста оказывается, что революционеры, которые радеют за народ, систематически разочаровываются в нем, в его консерватизме, в том, что он на каком-то этапе начинает голосовать не так, как хотелось бы либералам/радикалам, что он скорее предпочитает порядок и стабильность, привычные и понятные порядки и формы непонятным политическим и идеологическим лозунгам, что он предпочитает нечто материальное "нематериальным", на первый взгляд, свободам. Нужен длительный путь, собственный политический опыт целых поколений, постепенное их раскрепощение, рост культурно-гуманитарного развития, чтобы свободы и демократия обрели статус ценностей, которые дороги большинству[8]. Важно также учитывать, что устой-

[6] Структурно-демографические факторы, систематически генерирующие социальные взрывы в процессе модернизации, подробно рассматривались в наших предыдущих публикациях [см. напр. Коротаев, Гринин и др. 2010; Гринин 2012; Grinin, Korotayev 2012], поэтому здесь мы на них подробно останавливаться не будем.

[7] Как в каждой отдельной стране, так и в мире в целом. Так, звучит парадоксально, но в 1990 г. демократические системы были примерно в 45,4% независимых государств мира, т.е. речь идет о практически таком же проценте, что и за 70 лет до этого, в 1922 г. (см. [Хантингтон 2003: 36]).

[8] То есть сначала нужно в культурно-гуманитарном плане дорасти до такого уровня, чтобы могла совершиться реальная демократическая трансформация, иметь собственную интеллигенцию, определенный уровень заимствований из мировых культур, политические формы и т.п. Однако требуется еще более высокий гуманитарно-культурный уровень и одновременно крупное изменение социальных условий, чтобы демократия прижилась. Кроме того, демократия – это не просто идея; чтобы она прижилась, ей необходимо стать важной частью образа жизни. Но поскольку в молодых демократиях она быстро изживает себя, то стать таковой не успевает. Отсюда порочный круг, разорвать который удается зачастую только с нескольких попыток и тогда, когда сложатся соответствующие социально-экономические условия.

чивость демократии зависит главным образом не от того, насколько демократична конституция, а от того, насколько политические институты и акторы притерлись друг к другу и готовы соблюдать правила игры. Выдающийся французский социолог Реймон Арон справедливо указывал в своем глубоком исследовании "Демократия и тоталитаризм", что "устойчивость и эффективность обеспечиваются не конституционными правилами как таковыми, а гармонией этих правил и партийной системы, природой партий, их программами, политическими концепциями" [Арон 1993: 125]. Естественно, что на все это требуется весьма значительное время. Сходные мысли, связанные с высокими требованиями к обществу, его лидерам и бюрократии, высказывал и такой крупный мыслитель, как Йозеф Шумпетер. Он, в частности, считал, что для того, чтобы демократическая система успешно работала, "человеческий материал политики – люди, которые составляют партийный аппарат, избираются в парламент, возвышаются до министерских постов – должен быть достаточно высокого качества"; необходимо, чтобы бюрократия обладала сильно развитым чувством долга и чувством чести мундира (в эти понятия, естественно, не вписываются коррумпированность или непотизм). Также требуется "демократический самоконтроль" [Шумпетер 1995: 378-385].

Таким образом, народ (или его большинство) может неосознанно в итоге предать идеалы революции и саму демократию. С другой стороны, бывают ситуации, когда трезвая практичность населения оказывается мудрее высших идеалов и устремлений образованного радикально-революционного большинства. Тогда народ "чутьем" выбирает такого лидера, который (при всех его недостатках, пороках, эгоизме) в целом ведет страну по среднему, наиболее верному пути (отходя в важных отношениях от прежнего дореволюционного курса, но и не стремясь во что бы то ни стало выполнить лозунги революции). Пример Наполеона III в этом отношении достаточно характерен. Но при этом (как мы видим сейчас в некоторых странах Ближнего Востока) бывают ситуации, когда отказаться от демократических принципов вполне может и революционное меньшинство, рвавшееся к власти как раз под лозунгами установления демократии. А консервативное большинство может оказаться более приверженным принципам демократии. И ничего удивительного здесь нет. Как мы уже отмечали выше, в процессе модернизации быстрее модернизируется центр, в результате чего "либеральное/революционное" меньшинство в "столицах" оказывается окруженным консервативным, а то и "контрреволюционным" большинством "глубинки". *В этих условиях рост приверженности к демократии у консервативного ("реакционного") большинства вполне естественен. Раз они представляют собой большинство, то при честном проведении выборов именно оно имеет самые большие шансы прийти к власти совершенно демократическим путем. А вот среди революционного ("прогрессивного") меньшинства приверженность демократическим идеалам может очень даже и поколебаться – ведь для него честные выборы будут, скорее всего, означать поражение.*

Несмотря на фальсификацию в определенной мере выборов в тех обществах, где демократия оказывается урезанной за счет манипуляций "партии власти", очень большая часть общества, а нередко и большинство его настроено лояльно к власти (даже если в чем-то и недовольно) и, соответственно, консервативно. Поэтому в принципе правители могут победить и при честных выборах, но, конечно, не с тем преимуществом, как при сфальсифицированных (80-90%).

Иными словами, теоретически иной раз они могли бы обойтись и без фальсификаций, но тут уже начинает работать в собственном режиме система "контролируемой демократии", которая вынуждает руководителей на местах показывать свою лояльность и при которой не очень убедительное большинство при выборах воспринимается уже как вотум недоверия диктатору.

Возвращаясь к вопросу о соотношении революции и демократии, стоит вспомнить, что гениальный политик В.И. Ленин подчеркивал: "коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве" [Ленин б.г.: 145]. На ранних фазах модернизации революционеры, которые слишком преданы своим первоначальным лозунгам, практически неизбежно проигрывают, потому что эти лозунги, при всей своей заманчивости и том, что воодушевляют массы, несбыточны при наличных условиях. Поэтому логика революции либо заставляет стоящих у власти революционеров не считаться с демократией, даже "душить" ее (как это было, например, после того, как большевики разогнали Учредительное собрание), либо на место тех, кто слишком предан революционным идеалам, приходят тем или иным путем (чаще недемократическим, но иногда и демократическим) другие. Последние менее привержены идеалам демократии, но более – радикализму, углублению социальных насильственных изменений, усилению власти и себя у власти. История Великой французской революции 1789-1794 гг. и далее вплоть до Наполеона является классическим примером.

Питирим Сорокин, исследовавший историю и типологию многочисленных революций в Древнем мире (а в полисах Греции и Римской республике напряженная социально-политическая борьба групп граждан между собой за власть и права была едва ли не более постоянным явлением, чем спокойные периоды), указывал, что голод и/или война обычно стоят у истоков революции [Сорокин 1992а, 1992б, 1994]. Ленин также считал обострение нужды народных масс сверх обычного одним из главных признаков революционной ситуации. Более современные исследования, однако, установили несколько иное: революции обычно предшествует довольно длительный период роста уровня жизни населения (см. напр. [Davies 1969]; применительно к Египетской революции см. [Коротаев, Зинькина 2011а, 2011б, 2011в]). Но этот рост связан с таким же, а обычно и более высоким ростом социального расслоения и неравенства. Это обостряет социальные отношения в обществе, вызывает к жизни идею, что достигнутый уровень жизни у части населения должен стать достоянием большинства. Одновременно с этим в связи с модернизацией общества появляется более или менее многочисленный слой интеллигенции (и студентов как ее ударного отряда), который претендует на более высокий (соответственно своему образовательному уровню) уровень жизни, но естественно почти всегда число выгодных мест ограничено. Особенно же важно то, что возникает ситуация завышенных ожиданий, когда рост уровня жизни отстает от ожиданий значительной части населения, а рост неравенства вкупе с различными вопиющими нарушениями принятой в обществе справедливости со стороны власть имущих создает горючий материал для недовольства. При этом особо взрывоопасная ситуация формируется, когда после периода уверенного роста вдруг случается заминка (в которой власти соответствующей страны зачастую реально и не виноваты). В этом случае ожидания масс населения (да впрочем, и элиты) продолжают расти, а реальный уровень удовлетворения этих

ожиданий снижается (это – так наз. *кривая Дэйвиса* [Davies 1969]; также см. напр. [Гринин, Коротаев 2012]). В результате разрыв между ожиданиями и их удовлетворением достигает критического уровня и происходит социальный взрыв. Применительно к Египту это относится не только и не столько даже к Мубараку, сколько как раз к Мурси. Ведь именно после революции 25 января ожидания жителей Египта быстро возросли, а уровень их удовлетворения не менее стремительно стал падать. Это породило "разность потенциалов", которая во многом и обусловила падение первого демократически избранного президента Египта; однако она может оказаться смертельно опасной и для новых египетских режимов.

Каким образом сказанное связано с демократией? Прежде всего, демократия может стать центральной идеей оппозиции, с помощью которой, по ее мнению, можно решить социальные проблемы (естественно, предполагая, что демократия – такая система, при которой к власти обязательно придут правильные лидеры, т.е. оппозиционеры). А поскольку у власти находится жесткий режим (принципиально недемократический или узурпировавший демократию), который, естественно, противится быстрому введению демократии, то его свержение становится самоцелью. Он олицетворяет все зло в обществе (которое с его падением, соответственно, исчезнет). За режимом не признается ничего положительного, ценного, прогрессивного (все хорошее, что было им сделано, считается совершенным само собой или даже испорченным режимом, без которого это хорошее стало бы еще намного лучшим).

Однако, несмотря на то, что недовольство охватывает почти все общество в той или иной мере, фактически идеи демократии проникают только в определенную, не составляющую не только большинства, но даже часто и крупного меньшинства общества. Для большинства населения, ограниченного как своим культурным кругозором, так и сравнительно узкими жизненными проблемами, это достаточно пустой звук (либо нечто, что кто-то установит, но в чем им участвовать необязательно)[9]. Идеологизированное меньшинство может при определенных условиях увлечь равнодушное (к демократии, но не к собственным проблемам) большинство, в этом случае может сложиться революционная ситуация. Но отсюда до упрочения демократии очень далеко.

Тут уместно рассмотрение вопроса о соотношении революционного меньшинства и большинства. Революционное меньшинство сильно своей активностью, напористостью, умением организоваться для совместных акций и т.п. Поэтому оно наиболее видно на политической сцене революции и на первых порах как бы представляет все общество. Кроме того, радикалы/либералы искренне убеждены, что они и есть общество, что их лозунги обязательны

[9] Неявка на выборы в России, даже когда массовая явка могла бы оказать решающее воздействие, весьма характерный пример. При этом у огромной части населения (особенно у молодой) едва ли не одновременно с появлением возможности участвовать в выборах выработался стойкий идеологический нигилизм. Зачем ходить на выборы? Какой смысл? Все равно ничего не изменится. Что значит мой голос? И т.п. Другая часть российского населения ходила и ходит на выборы по привычке, "говорят надо, значит – надо", но также не для того, чтобы сделать сознательный выбор. В любом случае не подлежит сомнению, что данный нигилизм одной части населения, как и исполнительность другой его части, оказались очень на руку партии власти и всякого рода политическим проходимцам. Данный пример объясняет, как политическая пассивность или апатия может поддерживать демократическим образом определенные силы у власти. Карл Каутский называл такие народные массы, вовлеченные в выборы, "голосующим скотом" [Каутский 1931].

для общества (тут уже действует логика: кто против – враг революции, кто не с нами, тот против нас). И если революции верхушечны, не вводят всеобщую демократию (так нередко было в XIX в., например, в Латинской Америке или в Испании), то основная часть населения может оказаться вне политики. Революцию делает достаточно массовое, но все-таки меньшинство. Отсюда, кстати, одна из важных причин неустойчивости революционных правительств, поскольку массы в целом достаточно равнодушно воспринимали и их свержение. Но если немедленно вводится всеобщее и честное голосование (т.е. без фальсификаций, поскольку формально всеобщее избирательное право сегодня есть почти везде), то соотношение между революционным меньшинством и призванным высказаться большинством (которое тем самым становится по факту демократическим, но без убежденности в ценности демократии) может существенно измениться. Пример Египта это хорошо показал. На фоне митингов и экзальтации кажется, что весь народ реально ждет радикальных перемен в духе западной демократической и либеральной идеологии, но на самом деле основная или очень большая масса народа держится за иные ценности. При этом из-за того, что демократическая система правления в определенной ситуации может оказаться фактически выгодной консервативному ("реакционному") большинству, эта система становится все более среди него популярной, и все более непопулярной среди рвавшегося к власти под демократическими лозунгами революционного ("прогрессивного") меньшинства.

Вне всякого сомнения, активность, организованность, пропаганда и напористость революционеров и в выборах играют немалую роль, но значительно меньшую, чем в организации митингов и акций. Одними акциями победить оказывается уже сложно. Поражению революционеров в очень большой степени могут способствовать разногласия между ними (для внешнего наблюдателя не слишком важные, для самих партий – определяющие).

В итоге такого поворота, когда демократические выборы, ради которых, как будто, революция и делалась, дают победу консервативным силам, наступает момент истины. Что важнее для революционеров: идеалы демократии (ради которых надо уходить в оппозицию и упорно работать несколько лет, чтобы прийти к власти на следующих выборах) или революция, т.е. постоянное ниспровержение и эскалация изменений в обществе? Вопрос решается по-разному разными политическими силами, в разных странах и в разной ситуации. Бывают политические силы, которые оказываются неспособными переоценить ситуацию и отойти от своих догм. Так меньшевики в период гражданской войны оказались неспособными примкнуть ни к белым, ни к большевикам, и как политическая сила сошли на нет. Очень же часто именно революционность (ради уже не совсем понятных принципов революции, но при этом чтобы так или иначе быть у руля) становится важнейшей. В последние десятилетия любая неудача радикалов, свалivших правительство (или заставивших его провести свободные выборы), но не сумевших победить на выборах (когда ненавистное правительство дает им такую возможность), объясняется фальсификацией выборов. Пример цветных революций на постсоветском пространстве, в Сербии и других местах хорошо это подтверждает. Тогда революционеры стремятся к силовому решению вопроса. Логика такова, что главное не уважение к демократии, а свержение противника во что бы то

ни стало[10] (что вполне понятно и объяснимо). Тем не менее это момент, когда пути революции и демократии расходятся.

Словом, в обществе, где демократические ценности еще не устоялись, получается примерно по принципу: "мы за демократию, если наш кандидат выиграет на выборах. А если нет, то такая демократия нам не нужна"[11]. Умение проигрывать, признавая ценность правил демократической игры, независимо от того, кто придет к власти, умение ждать новых выборов и упорно работать ради победы на них – это и есть, по сути, показатель готовности общества к демократии. Поскольку во многих случаях революции происходят в обществах, в той или иной степени не готовых к демократии, то на незавершающих фазах модернизации *пути демократии и революции, едва ли не как правило, должны раньше или позже разойтись.* Если они совпадают на относительно ранних стадиях модернизации, то это скорее исключение, чем правило. Да, – повторим – мы не забываем про "бархатные революции" в Чехословакии и других странах Восточной Европы, Славную революцию в Англии, "Революцию гвоздик" в Португалии и т.п. И очень бы хотелось, чтобы все революции развивались по такому сценарию. Однако на не самых продвинутых стадиях модернизации это почти невозможно, потому что "барахатные" революции – это уже венец долгого социального и политического пути.

Рассмотрим подробнее – почему все-таки пути революции и демократии в странах, где демократия не устоялась, должны разойтись? Помимо уже описанных выше (неготовности общества, идеализации демократии и прочего), существует ряд причин для этого.

Во-первых, выясняется, что одной демократии для осуществления целей революции абсолютно недостаточно, и одной демократией сыт не будешь. Демократия идеально мыслится как средство, с помощью которого можно будет заменить плохое правительство на хорошее, что автоматически поведет страну к процветанию. В реальности, конечно, этого не может быть. Требуется конкретное и компетентное управление, чтобы решать конкретные дела. Но революционеры, как правило, не умеют их решать. Они либо должны оставить у власти старых функционеров и управленцев, которые так или иначе являются профессионалами, но тогда во многом все идет прежним путем с теми же злоупотреблениями, либо заменить их, но тогда получается еще хуже, поскольку революционные преобразования обычно ведут к ухудшению экономического положения.

Во-вторых, поскольку чуда быстрого и всеобщего улучшения не произошло, а революционные акции и массовая раздача обещаний ведут к ухудшению по-

[10] Революция, как и любая политика, редко делается в белых перчатках – так или иначе имеют место провокации, дезинформация, обман, закулисные соглашения... Нередко провокации предполагают разжигание враждебности к правительству или оппонентам с помощью прямых или косвенных убийств (скажем, в виде стрельбы из толпы – в отношении революций 1848 г. это хорошо описано у С.А. Нефедова [Нефедов 2008]), что вызывает эскалацию насилия, создание боевых дружин и т.п. Все это ведет к тому, что действия в виде насилия и других не очень почетных средств становятся нормой. Недавний пример действий оппозиции в Украине только подтверждает сказанное. Соответственно и нарушение демократии уже не воспринимается в условиях стремления к победе над противником как нечто ужасное.

[11] Выборы в Карачаево-Черкессии и Южной Осетии, когда противная сторона не признавала победу другой стороны, так что сразу же возникал политический кризис, являются весьма показательным примером.

ложения в стране, то крайне необходимо найти виноватого в этом, чтобы "перевести стрелки" недовольства. Но до уважения ли к демократии тогда? Будут ли революционеры или радикалы (если у власти стоят умеренные революционеры) спокойно ждать несколько лет, чтобы победить на следующих выборах? Разумеется нет, революционная эпоха – не то время, когда спокойно живут. Всем надо чего-то быстро, немедленно и бескомпромиссно полно. А радикалы, если будут ждать, то потеряют свое влияние, массы рядовых революции задают неудобные вопросы и т.п. В этом случае демократически избранное или переходное (временное) правительство оказывается между молотом и наковальней (т.е. между радикалами, недовольными, что ситуация ухудшается, и консерваторами, недовольными переменами и беспорядком).

В-третьих, массы, для которых главное – решение их конкретных и сиюминутных материальных проблем (чем кормить детей и т. п.), начинают разочаровываться в демократии. В целом все больше людей перестают связывать решение острых социальных проблем с абстрактной идеей демократии, а соотносят его конкретно с тем, что нужно бороться с врагами революции, президента, партии, ислама, социализма или чего-то еще, с богатыми, бывшими функционерами и т.д., и т.п. Это понятнее и конкретнее. Таким образом, создаются все условия для радикализации и углубления революции. Но как мы помним, чем радикальнее революция, тем вероятнее, что она сменится реакцией[12].

Р. Арон [Арон 1993: 141] указывает как на важное условие устойчивости либерального режима необходимость уже в начальном периоде развития конституционного режима ограничивать требования масс. Далее он пишет: "Рассмотрим ситуацию во Франции в 1848 г. Замена монархии республикой не увеличила ресурсы общества и производительность экономики. Чтобы возросли доходы народных масс, мало назвать режим республиканским или демократическим. Революционные перемены не могли не породить надежд и требований. И режим неизбежно стал жертвой разочарований" [там же: 141]. При этом совершенно понятно, что революционные массы идут на поддержку революции не ради того, чтобы умерить свои требования и ждать. Им кажется, что они и так слишком долго ждали. Однако поскольку поспешные и неумеренные требования выполнить невозможно, в результате страна может скатиться к экономической катастрофе, а демократический режим может быть свергнутым.

В-четвертых, в этих условиях выясняется, что число истинных демократов очень мало по сравнению с теми, кто стремится к власти или иным благам. В модернизирующемся, относительно бедном и пропитанном сверху донизу определенными предрассудками и недостатками обществе не может быть

[12] "Реакцию" принято воспринимать почти однозначно со знаком минус, только как нечто однозначно негативное (а "революция" ассоциируется, хотя и не столь однозначно, с чем-то позитивным, в том числе и потому, что предполагается, что она ведет к демократии). Однако вряд ли это всегда оправданно. Реакция нередко играет достаточно позитивную роль, становясь на пути эскалации революционных эксцессов, создавая более сбалансированные и жизнеспособные формы. Иногда позитивные аспекты в процессах политической реакции даже более выражены, чем негативные. Так термидорианскую реакцию 1794 г. можно рассматривать именно как вполне здоровую попытку французской политической элиты прекратить разгул якобинского террора, вызвавшего ожесточенную гражданскую войну во многих провинциях, и перейти к более жизнеспособной социально-политической системе. Можно увидеть позитивную составляющая и в бонапартистской реакции на французскую революцию 1848 г. и т.д.

иначе. Н.Г. Чернышевский писал о николаевской России: “Жалкое общество, общество рабов. Сверху донизу – все рабы”. В неправовом, недемократическом обществе точно также все действуют нелегитимно, так или иначе нарушают законы (пусть плохие законы, по которым часто трудно жить, но нарушают, при этом обвиняя в этом всех, кроме себя); все мыслят недемократически, даже те, кто борется за демократию. Лишь горсточка людей способна выдерживать свои принципы, но не они делают погоду.

В-пятых, в целом у демократии как политической системы, в которой мирятся с поражением и спокойно работают в оппозиции, оказывается крайне узкая социальная база. В той или иной форме она может сохраниться, но в урезанном и искаженном виде, хотя в общественном сознании такая подмена оказывается на какое-то время незаметной.

В-шестых, демократические институты в чистом виде не годятся для революции. Радикальные революционные преобразования довольно часто осуществляются через учредительные или конституционные собрания, парламенты и прочее. Но это хорошо для начала, для наиболее назревших или консенсусных изменений. Революция – это ломка, часто радикальная, крутая и жестокая ломка. И это всегда быстрая ломка. Обычные парламентские процедуры с длительным обсуждением, затягиванием, уважением меньшинства не устраивают. Поэтому через собрание, парламент, совет, меджлис могут быть проведены законы или декреты, направленные на радикальные преобразования, но во главе всегда должен стоять некий орган диктатуры (партия, ЦК, исполком, лидер, особый совет и т.п.), который опирается главным образом на революционный источник власти, а потому неподконтролен парламенту. Именно там решаются главные вопросы, которые потом выносятся на утверждение. При этом демократические или псевдодемократические утверждения судьбоносных и закладывающих основы документов или решений очень часто используются для закрепления власти в руках победившей стороны. Именно так действовал Мурси с конституцией. Теперь в Египте ввели новую конституцию. Вспомним, что едва ли не первое, что сделал временный президент Египта Адли Мансур, было издание указа о принятии новой “Конституционной декларации”. Документ предполагал созыв Конституционной ассамблеи для подготовки нового Основного закона страны и затем проведения референдума.

Неудивительно, что и диктаторы любят референдумы, которые закрепляют их власть. *Демократические институты на деле оказываются подсобными.*

Таким образом, чистая и полномасштабная демократия, которую стремится закрепить революция, на самом деле раньше или позже, но в целом довольно скоро начинает противоречить как истинным целям революции, так и иным политическим (партийным, групповым и личным) целям и условиям.

Демократически избранная власть (или даже переходное продемократическое правительство) либо свергается, либо оказывается так или иначе, полностью или частично отделено от демократии (т.е. трансформируется в псевдодемократический орган, вроде долгого парламента в Англии). Повторим, мы говорим об обществах на достаточно ранних стадиях модернизации; общества более модернизированные нередко могут сделать послереволюционный режим устойчиво либеральным.

Не забудем, что коренной вопрос революции всегда вопрос о власти, поэтому демократия приемлема только до той степени, до какой она поддерживает власть наиболее сильной группы, партии, социального слоя и т.п.

Как по причинам того, что полномасштабная и всевластная демократия не подходит для революционных преобразований, так и потому, что в обществе отсутствуют необходимые институты и умение жить по законам демократии, а равно потому, что революция – это всегда масштабная борьба, в которую втянуты очень крупные массы людей, как *в ходе революции, так и в послереволюционном режиме полная демократия редуцируется и трансформируется в самой разной степени и самыми разными способами* в зависимости от особенностей общества, исхода политической борьбы и других обстоятельств. Повторим: в обществах, уже прошедших модернизацию, почти готовых к демократии, такая редукция может быть незначительной (вроде запрета избирать на должность бывших коммунистов и т.п.). Стоит иметь в виду, что исторически всеобщая демократия, которая сегодня взята за образец, устанавливалась далеко не сразу, а постепенно, чаще всего как цензовая демократия. Даже в США, глубиной демократии которых так восхищался Алексис де Токвиль, демократия была далеко не полной. Права голоса были лишены индейцы, афроамериканцы, женщины и значительная часть мужчин европейского происхождения (получивших это право не сразу, а лишь в ходе правления президента Джексона). Плюс выборы президента были ступенчатыми (и тогда эта ступенчатость была весьма реальной). А в Англии, колыбели демократии, в 1830 г. имело право голоса лишь несколько процентов взрослого населения. Но не надо забывать, что правила выборов в Генеральные штаты были весьма далеки от сегодняшнего представления о демократии. Стоит отметить, что участие женщин в выборах в странах, подобных Египту (где достаточно велик процент неграмотных – и как раз среди женщин), усиливает возможности консервативных политических сил (что, впрочем, может оказывать и стабилизирующий эффект).

Подобно тому, как эмбрион проходит эволюционные стадии развития своего вида, так и недемократические общества, которые стремятся к демократии, проходят стадии эволюции демократии, связанные с ее ограничениями. *И во многих случаях (хотя и не во всех) демократия ограничивается, поскольку по указанным выше причинам в полном масштабе действовать она не может.*

В ходе революции ограничения бывают связаны с попытками закрепить политические преимущества, с революционным или контрреволюционным насилием (оба случая мы наблюдаем в Египте), с действием какого-то мощного идеологического или иного центра (например, Ирана), с введением имущественных или политических цензов, уничтожением или арестами лидеров оппозиционных сил и объявлением политических противников вне закона (как это произошло в Египте, где партию Братьев-мусульман объявили террористической организацией), ограничением свободы слова или объединений, созданием неконституционных репрессивных органов и т.д.

В послереволюционном режиме также действуют ограничения демократии либо полная ее имитация. В современном мире наиболее распространенной формой ограничения всеобщей демократии (без которой лишь правительства немногих обществ чувствуют себя легитимно) является нередко совокупность фальсификации выборов в разной форме, ограничений политических противников (Белоруссия), конституционно-правовых ухищрений (Россия

демонстрирует тут замечательные примеры). Могут быть и особые случаи: наличие неконституционной или конституционной, но недемократической силы, которая имеет огромный авторитет (Иран). Существуют и иные формы. Наиболее распространенным остается военный переворот либо попытки осуществить очередной революционный переворот (Грузия, Киргизия дают тут много примеров). Вмешательство военных происходит либо в случае, когда демократическое правительство разлагается и деградирует, либо когда страна заходит в политический тупик. Так или иначе, происходит коррекция пути, по которому развивается демократия. С другой стороны, и военные обычно не могут бесконечно и даже слишком долго оставаться у власти, не легитимизируя режим, т.е. вынуждены вновь отдавать власть гражданским лицам и проводить выборы.

Таким образом, общий политический курс развития модернизирующихся обществ в целом идет вдоль демократического тренда (все более приближаясь к идеалу), однако колебания бывают очень сильными и болезненными. И развитие может оставаться незавершенным, продолжая вращаться в круге контролируемой демократии.

В отношении Египта очевидно, что новые президентские выборы там произойдут в достаточно обозримом будущем, но, скорее всего, в урезанном (даже в сравнении с прошлыми, которые также были урезанными) виде. Однако путь к настоящей демократизации еще весьма длинен (необходимо устранить неграмотность и другие проблемы), зато вероятность новой диктатуры в форме контролируемой демократии и военной силы, стоящей за властью, весьма велика.

Еще один важный момент, который объясняет, почему порой демократия не устанавливается в послереволюционном обществе или быстро деградирует в нем. “Демократия – наихудшая форма правления, за исключением всех остальных”, – сказал Уинстон Черчилль. Для обществ, только вступающих на этот путь, особенно важна первая часть фразы. У демократии (как у свободного рынка, частной собственности) много пороков. Но зрелые демократические общества, помимо всего прочего, нашли те или иные способы их минимизации. Зато в молодых демократиях эти пороки приобретают гротескные формы. И приобретение иммунитета от таких “детских болезней” демократии – дело долгое и болезненное. В итоге общество может получиться уродливым (также как при отсутствии иммунитета к частной собственности и свободному рынку, весьма эгоистичным институтам, если их не ограничивать). Ясно, что введения формальных демократических институтов абсолютно недостаточно, поскольку они, включая многопартийные выборы, часто скрывают и даже легитимизируют “реальное доминирование авторитаризма” ([Diamond, Linz, Lipset 1995: 8]; см. также [Diamond 1999]).

В завершение отметим: переход к демократии от авторитарного режима, условно говоря, может осуществляться тремя основными путями: революционным (снизу и быстро), путем военного или государственного переворота и реформационным (сверху и постепенно). В прежние эпохи реформационный путь был почти невозможен, поэтому путь к демократии прокладывался через революции и контрреволюции, хотя уже в XIX в. можно говорить о некоторых относительно успешных примерах реформаторского пути становления демократии (или хотя бы движения в сторону демократии). Так в Японии сверху был введен парламент (1889 г.). О. Бисмарк в Германии ввел всеобщее

избирательное право для мужчин (1867 г.), хотя сама избирательная система в Пруссии была заложена революцией 1848 г. В Латинской Америке в XIX в. были случаи перехода от военной диктатуры к демократии, но последняя не могла прочно утвердиться почти ни в одной стране этого региона. Зато в XX в. (особенно в последние его десятилетия) мы видим много примеров сознательного демонтажа авторитарной и тоталитарной власти самой военной или иной диктатурой (в Испании, Чили и других странах Латинской Америки, Южной Корее, Тайване, Индонезии, в СССР, наконец). Некоторые заметные шаги к демократизации сделаны и арабскими монархическими государствами – парадоксальным, на первый взгляд, образом накануне Арабской весны большинство арабских монархий оказалось заметно более демократичным, чем большинство арабских республик [см. напр. Труевцев 2011].

И такой (нереволюционный) путь перехода к демократии при прочих равных условиях может оказаться более прямым и надежным. Тем более что корреляции между демократией и темпами роста ВВП не установлено, напротив, скорее более быстрый рост ВВП будет в автократическом обществе, чем в молодой демократии [Полтерович, Попов 2007]. А в условиях необходимости завершения модернизации темпы роста экономики имеют тем более важное значение.

Анализ противоборствующих сил

В июле 2013 г. Египет вошел в зону бифуркации, когда небольшая вариация параметров, включая действия или даже высказывания отдельных людей, могла привести к движению системы по радикально различным траекториям. Одна из возникших возможностей, которая теперь рискует не реализоваться, это возможность очень значительной демократизации исламистов, резкого роста популярности демократических идей среди них, когда руководители Братьев-мусульман начинают делать такие заявления, как “у нас есть своя собственная вера в демократию, и мы готовы за демократию умереть”[13].

После июльского переворота стали популярными заявления о том, что переворот этот знаменовал собой закат политического ислама[14]. На самом деле все обстоит с точностью до наоборот. На Ближнем Востоке переворот этот скорее дал политическому исламу второе дыхание. И при этом не только умеренному политическому исламу, но и радикальному. И от событий ближайших месяцев в очень высокой степени зависит, какой именно из двух этих версий политического ислама последние события дадут больший импульс. Хотелось бы все-таки, чтобы умеренному.

Наши молодые египетские друзья из числа “левых революционеров-либералов” называют события последних месяцев в Египте “контрреволюцией”. И мы вполне согласны с ними, но с одним существенным отличием. Революционерами “контрреволюция” мыслится как нечто однозначно негативное. Мы же считаем, что нынешняя египетская власть имеет и много позитивных сторон (хотя она привела в последние месяцы к явному усилению авторитарных тенденций). Да, она вполне может быть названа “контрреволю-

[13] Chumley C.K. 2013. Muslim Brotherhood: We’re ‘willing to die’ for Morsi. – *The Washington Times*, 19.07. URL: http://www.washingtontimes.com/news/2013/jul/19/muslim-brotherhood-were-willing-die-morsi/ (accessed 16.04.2014).

[14] События в Египте – начало заката исламистов как политической силы. 2013. – *Vlasti.net*, 05.07. Доступ: http://vlasti.net/news/169609 (проверено 14.04.2014).

цией", так как она вернула к власти тот самый блок военных, экономических и бюрократических элит, который правил страной до революции 2011 г. Но, как нам уже доводилось показывать ранее, правил он Египтом очень даже эффективно, обеспечивая последние годы перед революцией вполне успешное (в особенности на общемировом фоне) экономическое и социальное развитие великой страны [см. напр. Гринин, Коротаев 2012: 251-289].

Конечно же, нельзя сказать, что Египет вернулся сейчас в точности в то же состояние, в котором он находился до революции. При этом ряд новых моментов явно способствует дестабилизации режима. Речь идет прежде всего о радикализации движения Братьев-мусульман и появлении у них мощной медиа-поддержки в виде специального спутникового канала ал-Джазиры "Мубашер Мыср"[15]. Однако еще больше новых моментов, появившихся в ходе египетской революции и контрреволюции, способствуют скорее стабилизации режима.

Египетская революция в 2011 г. смогла одержать неожиданно легкую победу во многом благодаря следующим двум обстоятельствам.

Во-первых, сильнейший внутриэлитный конфликт [см. напр. Малков и др. 2013; Korotayev, Issaev, Shishkina 2013]. Речь идет прежде всего о конфликте между военными ("старой гвардией") и экономической элитой ("молодой гвардией") – группировкой ведущих египетских бизнесменов во главе с Гамалем Мубараком. Армейская группировка контролировала (и контролирует) не только Вооруженные силы Египта, но и значительную часть египетской экономики. Речь идет не только о военных предприятиях, но и о формально принадлежащих государству, и реально контролируемых военной верхушкой больших земельных массивах, недвижимости, автозаправочных станциях, строительных и транспортных предприятиях, фабриках и заводах, выпускающих не только продукцию оборонного назначения, но и телевизоры, холодильники, макароны, оливковое масло, крем для чистки обуви и т.д.[16] Доля египетской экономики оценивается различными аналитиками в пределах от 10 до 40%[17] [Roy 1992; Nepstad 2011: 489]. Данную группировку египетской элиты очень пугало возвышение "молодой гвардии" ведущих египетских бизнесменов под руководством Гамаля Мубарака, контролировавшей экономический блок египетского правительства. Это правительство проводило, начиная с 2004 г., эффективные экономические реформы, приведшие к заметному ускорению темпов роста египетской экономики. "Последние несколько десятилетий египетские военные не тратили все свое время лишь на обеспечение национальной безопасности; они также приобрели ценную недвижимость и многочисленные предприятия. По некоторым оценкам, военные контролируют 40% египетской экономики. Перед событиями 2011 г.

[15] Доступ: http://mubasher-misr.aljazeera.net/livestream/ (accessed 16.04.2014).

[16] Находящиеся в фактической собственности египетских военных предприятия обладают тем важным конкурентным преимуществом, что они могут пользоваться практически дармовым трудом египетских военнослужащих-срочников.

[17] При этом последняя оценка представляется откровенно завышенной. См. также Tadros S. 2012. Egypt Military's Economic Empire. – *Al Jazeera In Depth*, 15.02. URL: http://www.aljazeera.com/ indepth/features/2012/02/201221519591251914 2.html (accessed 16.04.2014); Marshall S., Stacher J. 2012. Egypt's Generals and Transnational Capital. – *Middle East Report*, no. 262. URL: http://www.merip.org/mer/mer262/egypts-generals-transnational-capital (accessed 16.04.2014).

египетские генералы выражали озабоченность планом Президента Мубарака назначить Гамаля своим преемником. Многие были уверены, что если Гамаль станет президентом, он начнет осуществлять политику приватизации, которая приведет к демонтажу экономической империи египетских военных [ibidem]. Действительно, были все основания ожидать, что ведущие египетские бизнесмены из круга Гамаля Мубарака в случае его прихода к власти "наложат свою руку" на собственность военных – благо и обосновать бы это было совсем не сложно ссылками на (вполне реальную) неэффективность использования соответствующих объектов собственности и необходимость оптимизации этого использования.

Египетский внутриэлитный конфликт позволяет понять многие обстоятельства Египетской революции, которые на первый взгляд могут казаться загадочными. Скажем, всю революцию египетская армия достаточно четко охраняла все важные государственные объекты, жестко пресекая все попытки протестующих их захватывать. Однако уже в самые первые дни революции (28-29 января 2011 г.) армия дала возможность захватить, разгромить и сжечь штаб-квартиру правившей Египтом Национально-демократической партии. Но, если разобраться, то ничего странного в этом не было – ведь реальным руководителем этой партии был именно Гамаль Мубарак, а значит армейская верхушка руками протестующих наносила мощный удар по элитарной группировке своего заклятого врага [см. напр. Исаев, Шишкина 2012].

В контексте модного тогда восприятия египетских событий января-февраля 2011 г. как "противостояния революционных народных масс и авторитарного режима" очень странно выглядела и знаменитая "Битва верблюда", когда протестующих на Тахрире пытались разогнать при помощи странной "гоп-компании" верблюжатников – работников туристических сервисов из района пирамид, занимавшихся прокатом для туристов лошадей и верблюдов; при этом атаковали они протестующих на этих самых лошадях и верблюдах, что и придало специфически-экзотический колорит как событиям 2 февраля, так и всей Египетской революции. Но если это было и правда "противостояние народных масс и авторитарного репрессивного режима", то зачем было "авторитарному режиму" прибегать к такого рода непонятной "самодеятельности", а не воспользоваться для разгона протестующих самым элементарным профессиональным репрессивным аппаратом? Все дело здесь в том, что уже 2 февраля протестующим на Тахрире противостоял не профессиональный репрессивный аппарат, контролировавшийся "старой гвардией" (занявший скорее позицию доброжелательного по отношению к протестующим нейтралитета), а группировка бизнес-элиты, вынужденная использовать для противостояния требовавшим смещения их лидера протестующим нанятый на личные деньги этих же самых бизнесменов полууголовный элемент[18] [см. Essam El-Din 2011; Исаев, Шишкина 2012: 70-73]. Это и объясняет столь легкую "победу революционных масс".

Вторым обстоятельством, обеспечившим неожиданно быстрый успех протестующих, было создание неожиданного широкого оппозиционного блока,

[18] Подробнее об этом см. Исаев Л.М., Коротаев А.В. 2013. Египетский переворот 2013 года: опыт эконометрического анализа (или несколько наблюдений над динамикой египетских биржевых индексов). – *Полит.ру*. Доступ: http://polit.ru/article/2013/09/20/egypt/ (проверено 20.09.2013).

объединившего во вполне скоординированно действовавший единый фронт левых молодых либеральных революционеров-секуляристов с исламистами.

Наблюдаемая сейчас ситуация похожа на ситуацию января 2011 г. с точностью до наоборот.

1) Египетская революция заставила египетскую экономическую элиту пойти на примирение с военными, и в июне 2013 г. уже они выступили единым хорошо скоординированным фронтом, обеспечившим столь быстрое свержение Мурси; при этом никаких признаков нового раскола между двумя этими группировками египетской элиты пока не видно. Экономическая элита поняла, что продолжать какие-либо серьезные попытки захватить собственность военных "себе дороже", что лучше признать доминирующее положение военных в правящем блоке, а также неприкосновенность их "экономической империи" (в том числе и путем конституционных изменений). Она поняла, что любые ее серьезные попытки выйти в правящем блоке на лидирующие позиции могут закончиться тем, что она потеряет несравненно больше, чем может приобрести[19].

2) Революция с последующей контрреволюцией привела к самому глубокому расколу среди январского (2011 г.) оппозиционного "макроблока". При этом к расколу сразу по многим линиям. Внутри этого макроблока расколотым оказался даже исламистский блок – ведь режим сейчас поддерживает вторая по силе исламистская партия – партия исламистов-фундаменталистов-салафитов Хизб ан-Нур (и целый ряд других видных исламистов). Поддержка секуляристско-военного режима египетскими исламистами-салафитами (т.е. теми, кого у нас называют "ваххабитами") требует, конечно, отдельного комментария (как требует комментария и то, что в июле Саудовская Аравия выступила в качестве верного союзника антиисламисткого блока, включавшего в себя исключительно широкий блок сил – либералов, националистов, левых, ультралевых – вплоть до троцкистов). Ключевым фактором здесь, конечно, служит то обстоятельство, что в качестве основного спонсора Хизб ан-Нур выступает Саудовская Аравия[20]. А вот для Саудовской Аравии Братья-мусульмане представляют собой самую реальную угрозу. Вспомним, что в 1937 г. у нас провозгласить себя "славянофилом" было несравненно менее рискованным, чем "троцкистом" (при том, что для "внешнего мира" разница между сталинистами и троцкистами выглядит малосущественной). Так и для саудитов "троцкисты" – это какая-то малореальная экзотика; а вот Братья-мусульмане для них практически то же, что троцкисты для Сталина, это именно те левые мусульмане, которые совершенно реально ставят под сомнение легитимность

[19] Потенциальный раскол в нынешнем правящем блоке скорее связан может быть с тем, что в него вошло и некоторое количество левых секуляристов (вспомним того же Хамдина Сабахи и его Египетское народное движение (*ат-Таййараш-ша'бийй ал-мисрийй*), а вот продолжение сотрудничества этой части правящего блока как с военной, так и (в особенности) с экономической элитой гарантировать несравненно сложнее – скорее можно ожидать, что между левыми и правыми секуляристами все-таки рано или поздно произойдет раскол.

[20] Daou M. 2012. How Saudi petrodollars fuel rise of Salafism. – France, 29.09.2012. URL: http://www.france24.com/en/20120929-how-saudi-arabia-petrodollars-finance-salafist-winter-islamism-wahhabism-egypt/ (accessed 16.04.2014); Lavizzari A. 2013. The Arab Spring and the Funding of Salafism in the MENA Region. – *International Security Observer*, 22.05. URL: http://securityobserver.org/ the-arab-spring-and-the-funding-of-salafism-in-the-mena-region/ (accessed 16.04.2014).

их режима и предпринимают реальные усилия по его свержению[21]. И в такого рода контексте уже совершенно понятна готовность Саудовской Аравии (а также имеющих сходные проблемы ОАЭ и Кувейта) блокироваться с кем угодно (включая антиисламистски настроенных либералов и коммунистов, не говоря уже об египетских военных и экономических элитах), чтобы ослабить "в его логове" того противника, который реально угрожает самому существованию аравийских монархических режимов (за исключением, естественно, катарской монархии). С другой стороны, египетским "ваххабитам" удаление Братьев-мусульман с легальной политической арены по-своему выгодно и объективно (вне всякой связи с саудовскими интересами), поскольку позволяет значительно усилить свои позиции и, в том числе, потенциально, еще больше расширить свое представительство в египетском парламенте в качестве теперь уж главной легальной исламисткой партии страны.

Расколотым оказался и секуляристский леволиберальный блок, большинство членов которого столь напугано годом правления Братьев-мусульман, что продолжает поддерживать режим. Однако и остающиеся оппозиционными силы глубоко расколоты – ведь выступающая против режима левая либерально-революционная молодежь решительно отказывается от какой-либо идеи нового блока с Братьями-мусульманами – достаточно сказать, что один из их главных лозунгов – *Йаскут, йаскутилли хан, ин кана `аскар ау ихванп* – переводится "Долой, долой всех тех, кто изменил – будь это военные или Братья-мусульмане!". Мы полагаем, что новые революционные парадоксы в Египте не заставят себя ждать.

Арон Р. 1993. *Демократия и тоталитаризм*. М.: Текст. 303 с.

Бердяев Н.А. 1990. *Философия неравенства*. М.: ИМА-ПРЕСС. 195 с.

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. 2012. *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек*. М.: Издательство ЛКИ/URSS. 480 с.

Гринин Л.Е. 2012. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. – *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* (под ред. А.В. Коротаева, Ю.В. Зинькиной, А.С. Ходунова). М.: Либроком/URSS, с. 188-223.

Исаев Л.М., Коротаев А.В. 2014. Египетский переворот 2013 года: опыт эконометрического анализа. – *Азия и Африка сегодня*, № 2, с. 14-20.

Исаев Л.М., Шишкина А.Р. 2012. *Египетская смута XXI века*. М.: Либроком/URSS. 112 с.

Каутский К. 1931. *Материалистическое понимание истории. Т. 2: Государство и развитие человечества*. М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство. 862 с.

Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. 2011а. Египетская революция 2011 г. – *Азия и Африка сегодня*, № 6, с. 10-16.

Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. 2011б. Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. – *Азия и Африка сегодня*, № 7, с. 15-21.

[21] Abdel Kouddous S. 2013.What Happened to Egypt's Liberals After the Coup? –The Nation, 09. URL: http://www.thenation.com/article/176445/what-happened-egypts-liberals-after-coup#; Baer R. 2013. Why Saudi Arabia is Helping Crush the Muslim Brotherhood. – *New Republic*, 26.08. URL: http://www.newrepublic.com/article/114468/why-saudi-arabia-helping-crush-muslim-brotherhood; Nasr V.R. 2013. Islamic Comrades No More. – *The New York Times*, 28.10. URL: http://www.nytimes.com/2013/10/29/opinion/international/nasr-islamic-comrades-no-more.html?_r=0

Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. 2011в. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. – *Историческая психология и социология истории*, т. 4, № 2, с. 5-29.

Коротаев А.В., Гринин Л.Е., Халтурина Д.А., Малков А.С., Божевольнов Ю.В., Кобзева С.В., Зинькина Ю.В., Малков С.Ю. 2010. Ловушка на выходе из ловушки? К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах Африки на период до 2050 г. – *Законы истории: математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития* (под ред. А.В. Коротаева, Ю.В. Зинькина). 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ/URSS, с. 159-226.

Ленин В.И. б.г. *Полн. собр. соч.* Т. 31.

Малков С.Ю., Коротаев А.В., Исаев Л.М., Кузьминова Е.В. 2013. О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны. – *Полис. Политические исследования*, № 4, с. 137-162.

Нефедов С.А. 2008. *Факторный анализ исторического процесса. История Востока.* М.: Территория будущего. 752 с.

Полтерович В.М., Попов В.В. 2007. Демократизация и экономический рост. – *Общественные науки и современность*, № 2, с. 13-27.

Прозоровский А. С. 2009. *Политический лидер и модернизация на Востоке. Опыт Индонезии и Южной Кореи во второй половине XX века.* М.: ИМЭМО РАН. 132 с.

Сорокин П.А. 1992а. О так называемых факторах социальной эволюции. – *Человек. Цивилизация. Общество.* М.: Политиздат, с. 521-531.

Сорокин П.А. 1992б. Социология революции. – *Человек. Цивилизация. Общество.* М.: Политиздат, с. 266-294.

Сорокин П.А. 1994. Голод и идеология общества. – *Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет.* М.: Наука, с. 367-395.

Труевцев К.М. 2011. *Год 2011 – новая демократическая волна?* М.: Изд. дом. ВШЭ. 27 с.

Хантингтон С. 2003. *Третья волна. Демократизации в конце XX века*. М.: РОССПЭН. 368 с.

Шумпетер Й. 1995. *Капитализм, социализм и демократия.* М.: Экономика. 540 с.

References

Davies J.C. Toward a Theory of Revolution. – *Studies in Social Movements. A Social Psychological Perspective* (ed. by B. McLaughlin). N.Y.: Free Press, 1969, pp. 85-108.

Diamond L. *Developing Democracy: Toward Consolidation.* Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 1999. 362 p.

Diamond L., Linz J., Lipset S. M. (Eds.). *Politics in Developing Countries: Comparing Experiences with Democracy*. 2nd ed. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1995. 592 p.

Essam El-Din G. NDP's Battle of the Camel. – *Al-Ahram Weekly*, 2011, no. 1039. URL: http://weekly.ahram.org.eg/2011/1039/eg21.htm (accessed 16.04.2014).

Goldstone J. Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory. – *Annual Review of Political Science*, 2001, vol. 4, pp. 139-187.

Grinin L., Korotayev A. Does "Arab Spring" Mean the Beginning of World System Reconfiguration? – *World Futures*, 2012, vol. 68, no. 7, pp. 471-505.

Korotayev A.V., Issaev L.M., Shishkina A.R. Toward the development of methods of estimation of the current state and forecast of social instability: a quantitative analysis of the Arab Spring events. – *Central European Journal of International and Security Studies*, 2013, vol. 7, no. 4, pp. 23-52.

Nepstad S.E. Nonviolent Resistance in the Arab Spring: The Critical Role of Military-Opposition Alliances. – *Swiss Political Science Review*, 2011, vol. 17, no. 4, pp. 485-491.

Roy D.A. The Hidden Economy in Egypt.– *Middle Eastern Studies*, 1992, vol. 28, no. 4, pp. 689-711.

Zogby J., Zogby E., Zogby S.H., Bohnert C., Mazloom J. *After Tahrir: Egyptians Assess Their Government, Their Institutions, and Their Future*. Washington, DC, Zogby Research Services, 2013. 28 p.

Aron R. *Democracy and Totalitarianism* (Russian version). Moscow: Tekst, 1993. 303 p.

Berdyaev N.A. *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of Inequality]. Moscow: IMA-PRESS, 1990. 195 p.

Grinin L.Y., Korotayev A.V. *Tsikly, krizisy, lovushki sovremennoy Mir-Sistemy. Issledovaniye kondrat'yevskikh, zhyuglyarovskikh i vekovykh tsiklov, global'nykh krizisov, mal'tuzianskikh i postmal'tuzianskikh lovushek* [Cycles, Crises and Traps of the Modern World-System. The Study of Kondratieff, Juglar and Century Cycles, Global Crises, Malthusian and Post-Malthusian Traps]. Moscow: LKI/URSS Publ., 2012. 480 p.

Grinin L.Ye. Arabskaya vesna i rekonfiguratsiya Mir-Sistemy [The Arab Spring and Reconfiguration of the World-System]. – *Sistemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov (pod red. A.V. Korotayeva, Yu.V. Zinkinoy, A.S. Khodunova)* [System Monitoring of Global and Regional Risks (ed. by. A.V. Korotayev, Yu.V. Zin'kina, A.S. Khodunova)]. Moscow: LIBROKOM/URSS, 2012, pp. 188-223.

Isayev L.M., Korotayev A.V. The Egypt Revolution of 2013: Experience of Econometric Analysis. – *Asia and Africa Today*, 2014, no. 2, pp. 14-20 (In Russ.)

Isaev L.M., Shishkina A.R. *Yegipetskaya smuta XXI veka* [The Egyptian Disturbance of the 21st Century]. Moscow: Librokom/URSS, 2012. 112 p.

Kautskiy K. *Materialisticheskoye ponimaniye istorii. T. 2: Gosudarstvo i razvitiye chelovechestva* [Materialistic Understanding of History. Vol. 2: The State and Development of the Society]. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo, 1931. 862 p.

Korotayev A.V., Zinkina Yu.V. The Egypt Revolution of 2011. – *Asia and Africa Today*, 2011a, no. 6, pp. 10-16. (In Russ.)

Korotayev A.V., Zinkina Yu.V. The Egypt Revolution of 2011. A Structutal-Demographic Analysis. – *Asia and Africa Today*, 2011b, no. 7, pp. 15-21. (In Russ.)

Korotayev A.V., Zinkina Yu.V. The Egypt Revolution of 2011: a Socio-Demographic Analysis. – *Historical Psychology and Sociology of History*, 2011c, vol. 4, no. 2, pp. 5-29.

Korotayev A.V., Grinin L.Ye., Khalturina D.A., Malkov A.S., Bozhevol'nov Yu.V., Kobzeva S.V., Zinkina Yu.V., Malkov S.Yu. Lovushka na vykhode iz lovushki? K prognozirovaniyu dinamiki politicheskoy nestabil'nosti v stranakh Afriki na period do 2050 g. [Trap on the Exit from a Trap? To Prognosis of Dynamics of Political Instability in African Countries till 2050]. – *Zakony istorii: matematicheskoye modelirovaniye i prognozirovaniye mirovogo i regional'nogo razvitiya (pod red. A.V. Korotayeva, YU.V. Zinkina)*. 3-ye izd. [Laws of History: Mathematic Modeling and Forecasting of World and Regional Development (ed. by A.V. Korotayev, Yu.V. Zinkina, 3d ed.]. Moscow: LKI/URSS Publ., 2010, pp. 159-226.

Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.* T. 31. [Full Collected Works, vol. 31].

Malkov S.Yu., Korotayev A.V., Isayev L.M., Kuz'minova Ye.V. To Methodology of Assessment of the Current State and Forecast of Social Instability: The Experience of Quantitative Analysis of the Arab Spring. – *Polis. Political Studies*, 2013, no. 4, pp. 137-162. (In Russ.)

Nefedov S.A. *Faktornyy analiz istoricheskogo protsessa. Istoriya Vostoka* [Factor Analysis of the Historical Progress. History of the East]. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 2008. 752 p.

Polterovich V.M., Popov V.V. Democratization and Economic Growth. – *Social Sciences and Modernity*, 2007, no. 2, pp. 13-27. (In Russ.)

Prozorovskiy A.S. *Politicheskiy lider i modernizatsiya na Vostoke. Opyt Indonezii i Yuzhnoy Korei vo vtoroy polovine XX veka* [Political Leader and Modernization in the East. Experience of Indonesia and South Korea in the 2nd Half of the 20th Century]. Moscow: IMEMO RAN, 2009. 132 p.

Sorokin P.A. O tak nazyvayemykh faktorakh sotsial'noy evolyutsii [About the So-Called Factors of Social Evolution]. – *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat, 1992a, pp. 521-531.

Sorokin P.A. Sotsiologiya revolyutsii [The Sociology of Revolution]. – *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat, 1992b, pp. 266-294.

Sorokin P.A. Golod i ideologiya obshchestva [Hunger and Ideology of the Society]. – *Obshchedostupnyy uchebnik sotsiologii. Stat'i raznykh let* [Public Textbook of Sociology. Articles from Different Years]. Moscow: Nauka, 1994, pp. 367-395.

Truyevtsev K.M. *God 2011 – novaya demokraticheskaya volna?* [The Year 2011 – A New Democratic Wave?]. Moscow: Izd. dom VSHE, 2011. 27 p.

Huntington S.P. *The Third Wave: Democratization in the Late 20th Century* (Russian version). Moscow: ROSSPEN, 2003. 368 p.

Shumpeter J.A. *Capitalism, Socialism and Democracy* (Russian version). Moscow: Ekonomika, 1995. 540 p.

DOI: 10.17976/jpps/2014.03.09

REVOLUTION *VS* DEMOCRACY (REVOLUTION AND COUNTER-REVOLUTION IN EGYPT)

L.E. Grinin, A.V. Korotayev

Abstract. The mass consciousness is filled with stereotype that revolution nowadays definitely leads to establishment of democracy. However, revolutions differ; some of them can cast the society away from its main track of development. One should keep in mind that revolution is an extremely painful and dangerous way to reform a society (especially a transit one). The article deals with various alternatives of correlation between revolutionary events and possibilities to establish a democracy in the context of globalization processes, historic examples and latest events in Egypt.

Keywords: democracy, revolution, Middle East, Egypt, reaction, extremists, Islamites, totalitarianism, military coup.

GRININ Leonid Yefimovich, Dr. Sci. (Philos.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia. Email: leonid.grinin@gmail.com**; KOROTAYEV Andrey Vitalyevich, Ph.D., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of Department of Modern Asia and Africa, Russian State University for the Humanities, senior researcher, Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia.** Email: akorotayev@mail.com